

ИСТОРИЯ

DOI: 10.48137/2311-6412_2022_3_131

УДК: 323.2

Андрей ГРОЗИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗИИ. ЧАСТЬ 2

Аннотация

В статье рассматриваются основные аспекты влияния исторической и околоисторической политики государств постсоветской Азии на внутривнутриполитическую жизнь в этих суверенных республиках. Влияние это является многоплановым, и тематика политики памяти как составной части идеологической политики страны со стороны официальных властей стран региона находится в сложном взаимодействии с использованием сложных вопросов новейшей истории страны различными лидерами мнений и групп населения, не входящих в структуры государственного управления. В силу стремления властей стран Центральной Азии, гражданских активистов, медиа (в первую очередь сетевых), структур НПО, историков и публицистов завуалировать политическую, конъюнктурную заинтересованность в использовании исторических тем для решения различных внутривнутриполитических задач многие аспекты процесса, который можно назвать «войнами памяти», скрыт от научного исследования. Настоящий текст также является попыткой рассмо-

ГРОЗИН Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 141410, Московская обл., г. Химки, пр. Мельникова, д. 2/1. *E-mail*: andgrozin@yandex.ru. *SPIN-код*: 5621-8571.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, история, историческая политика, национал-патриоты.

треть степень влияния исторической политики на формирование в республиках региона ЦА новых идеологических основ существования политических систем.

В Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане ситуация с национал-патриотическим направлением общественной мысли и исторической политикой кардинально расходится с тем, что можно наблюдать в Киргизии и, тем более, в Казахстане [1]. Это различие заключается в том, что, условно говоря, главным, а в случае с Туркменией – и единственным «национал-патриотом» и инстанцией, влияющей на выработку исторической политики в Республике Узбекистан (РУз), Республике Таджикистан (РТ) и Туркменистане, все годы суверенного существования этих стран была и остается государственная власть. Государство формулирует новую идеологию, строит этноцентристскую политическую систему, вырабатывает историческую политику и транслирует обществу все основные национальные темы и смыслы. Общественное участие в этих процессах в какой-либо значимой форме в этих трех республиках властями изначально не предусматривалось.

Эта ситуация дополняется общим состоянием медиасферы, которая очень серьезно и на постоянной основе контролируется государством, а любое «свободомыслие» и «отклонение от генеральной линии», мягко говоря, не приветствуется. Такой подход, принятый на заре независимости в отноше-

нии как академической науки, так и печатных и электронных СМИ, воспроизводится и в более поздние периоды в отношении новых информационных технологий: интернета, соцсетей и мессенджеров. Поэтому и общественные дискуссии в сетевом пространстве и на русском, и на национальных языках контролируются соответствующими государственными структурами и не генерируют сколько-нибудь влияющего на внутривнутриполитические процессы контента.

Исходя из существующего положения и научное сообщество трех стран, и эксперты, и рядовые граждане остаются, по сути, просто потребителями и комментаторами озвучиваемых государственными структурами тем, касающихся проблематики исторической политики.

Возникновение новых государственных образований сопровождалось борьбой за монополизацию ключевых ресурсов, в процессе которой происходило выдвижение новых социальных групп и изменение стратегий доминирования. Национальному строительству сопутствовало формирование идеологий национализма. Именно идеологическое строительство в трех республиках стало основным полем формирования национальной и патриотической политики.

Узбекистан

В Узбекистане вопросы, касающиеся идеологического строительства (и вопросов исторической политики как ее составной части), изначально основывались на базе «узбекизации» всех основ общественной жизни и науки. «Узбекизация» изначально мыслилась официальной властью как национальная идея, призванная объединить элиту и консолидировать общество.

В 2001 г. был опубликован программный документ «Идея национальной независимости: основные понятия и принципы», представляющий собой «теоретико-методологическую разработку для формирования идеологии национальной независимости и определения практических мер по ее реализации» [2]. Первым президентом Исламом Каримовым были сформулированы пять главных принципов идеологии национальной независимости, которые легли в основу так называемой узбекской модели:

- полная деидеологизация экономики. Экономика должна иметь приоритет над политикой;

- в сложный переходный период главным реформатором должно быть государство;

- весь процесс обновления и прогресса должен строиться на правовой основе;

- переход к рыночным отношениям должен сопровождаться осуществлением мер по социальной защите населения;

- становление рыночных отношений должно осуществляться поэтапно.

При этом само понятие «идеология» истолковывалось И. Каримовым и идеологическим аппаратом власти весьма широко. Сюда относили традиции и обычаи, религию, науку, философию, мораль, политические доктрины и т. п. Прогрессивные идеи, составляющие доктрину, представляют собой квинт-эссенцию духовности нации. Таким образом, утверждалось монополярное право доктрины на представление символов нации.

Идеология национальной независимости обрела в Узбекистане статус, аналогичный марксистско-ленинской философии в Советском Союзе. Кроме наделения специфическими идеологическими функциями ранее существовавших в РУз структур, значительным трансформациям была подвергнута система образования: были введены должности заместителя директора, проректора по духовности и просветительству, в библиотеках открылись сектора «духовности и просветительства», в высших учебных заведениях появилась новая специальность «Идея национальной независимости, основы права и духовности», по которой присваивается степень бакалавра [3, С. 29]. Были воспроизведены и прежние механизмы пропаганды.

Одной из основ идеологии национальной независимости была названа древняя и богатая история

узбекского народа. Как высказался И. Каримов, «для восстановления духовности, чтобы ощущать себя не ниже других в стране, в которой родился и вырос, ходить с гордо поднятой головой, человеку, конечно, необходима историческая память, которую, конечно же, надо воспитывать с детства» [4, С. 133].

Мысли о том, чтобы кардинально переписать историю, удалив из нее страницы, не совпадающие с идеей «узбекизации», в РУз существовали со времени перестройки. После обретения суверенитета этот процесс был запущен, но теоретическую базу под него подвела «Идея национальной независимости».

Особенностью исторической науки суверенного Узбекистана является «приватизация» исторических личностей: все известные личности, жившие на территории современного Узбекистана, в обязательном порядке именуется великими предками. Упоминание о неприглядных делах великих предков категорически неприемлемо. Например, Тимур (Тамерлан), согласно изысканиям историков РУз, отличался добросердечием и гуманностью. Сравнить его с Чингисханом и другими завоевателями запрещено: Чингисхан разрушал, а Тимур, согласно официальной доктрине, строил города, развивал ремесла и торговлю, объединял страну и давал народу наставления. И «куда бы ни прибывал великий Сахибкиран¹, он благоустраивал священные места поклонений, строил

прекрасные мавзолеи. Каждый исторический памятник, созданный в эпоху Амира Тимура, где бы он ни находился, и сегодня духовно объединяет и связывает разные народы, призывая их к добру и милосердию» [5]. Вся официальная историческая наука Узбекистана до последнего времени полностью основывалась на культуре Тимура – «великого предка, который принес мир на землю Центральной Азии, построил огромное и великое государство» [6]. В республике давно создан и функционирует Музей истории Тимуридов.

С диаметрально противоположных позиций оценивался «колониальный» (имперский и советский) период узбекской истории. Освещая жизнь страны в советское время, историкам рекомендовалось делать упор исключительно на страдания «под игмом центра», а отзываться об этом периоде с одобрением не разрешалось. Впрочем, этот запрет выдерживался нестрого, и в СМИ периодически появлялись сообщения о том, что именно тогда были построены железные дороги, больницы, общественные здания, открыты школы, запущены трамваи и так далее. Тем не менее высказывать собственный, отличный от официального взгляд на это время или проводить по данной теме какие-либо исследования при Каримове было невозможно.

Запрещалось акцентировать внимание на том, что Узбекистан в его современных границах был соз-

¹ Буквально: «рожденный под счастливой звездой» – распространенное в РУз именование Амира Тимура.

дан советской властью, объединившей в одно целое (в несколько урезанном виде) территорию Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата.

31 августа 2008 г., к семнадцатой годовщине обретения независимости РУз, президент Каримов открыл в Ташкенте новую экспозицию музея «Памяти жертв репрессий». Как отмечал российский социальный антрополог профессор Сергей Абашин, ташкентский музей, посвященный политическим репрессиям, – очередной музей подобного рода на постсоветском пространстве. Аналоги ему, освещенные вниманием и заботой власти, имеются во всех странах Прибалтики, а также в Грузии и на Украине².

Идеологический подтекст этих музеев очевиден: демонстрация полного разрыва с советским прошлым, делегитимизация последнего и укрепление за счет этого легитимности новой власти. Подразумевается и политический аспект: с одной стороны, вытеснение из общественной жизни коммунистических (и, шире, любых левых) настроений и организаций, с другой – дистанцирование от России, воспринимаемой и позиционируемой в качестве «наследницы СССР» [7].

После смерти Каримова в 2016 г. и смены власти на официальном уровне указывалось, что принятая

и в основном реализованная идеология национальной независимости заложила основу для формирования независимого, суверенного Узбекистана и уже не полностью соответствует новым требованиям времени. В конце 2018 г. президент Шавкат Мирзиёев обратился к Олий Мажлису (парламенту) с посланием, обозначив направления развития республики и приоритетные задачи. Он заявил, что страна и общество «стоят на пороге разработки новой национальной идеологии». Также в послании отдельно было указано на необходимость «развивать национальную идею, являющуюся для нас источником вдохновения и силы в достижении наших высоких целей. Нам необходимо укреплять национальное самосознание, более глубоко изучать древнюю и богатую историю нашей Родины, активизировать научно-исследовательскую работу в этом направлении, всемерно поддерживать деятельность ученых гуманитарной сферы. Оценка прошлого должна быть объективной, самое важное, свободной от каких-либо идеологических догм» [8].

В условиях реализации в Узбекистане масштабных социально-экономических реформ усиливается потребность в формировании новой идеологии, которая не разделяла бы общество по языковому, национальному, религиозному признакам, а объединила бы его, считает профес-

² Музеи, посвященные репрессиям советского времени, есть и в других странах бывшего Союза, в том числе в России, но, за исключением названных государств, они не имеют столь важного идеологического статуса. В Центральной Азии такого рода музейно-мемориальный комплекс первым был создан в Узбекистане (открыт 31 августа 2002 г.).

сор, директор Центра исследовательских инициатив *Ma'no* Бахтиер Эргашев. «Это важнейший вызов, и на него нужно отвечать. Сможем ли мы создать такой идеологический концепт, который будет понятен, близок и принят большинством населения? Что будет лежать в его основе? Какую идентичность мы будем создавать? Узбекскую или узбекистанскую? На каких традициях и символах она будет базироваться? Эти вопросы ставит глава Узбекистана, президент трансформирующейся, модернизирующейся страны, и предлагает совместно искать решения. Это очень важные вопро-

сы, которые нужно решать. Национальная идеология сильна тогда, когда она не разделяет общество, а объединяет всех его членов. Постепенно экономические вопросы будут решаться в той или иной мере. А вот вопрос формирования национальной идеологии нового Узбекистана – это важнейший вопрос, к которому следует подойти со всей серьезностью» [9].

В настоящее время многие эксперты в ЦА ожидают от президента Мирзиёева если и не провозглашения некоей новой идеологии для Узбекистана, то, как минимум, значительной модернизации прежней.

Таджикистан

Республика Таджикистан (РТ) в области создания «новой идеологии» и «новой исторической науки» несколько отставал от соседей по региону (объяснялось это затяжной гражданской войной, коллапсом экономики и катастрофической утратой интеллектуального потенциала). Правда, после заключения внутритаджикского мира, с конца 90-х гг. XX в., страна быстро «наверстала упущенное», и именно работы историков страны оказались крайне востребованными властями РТ. Как отмечала киргизский эксперт, профессор Университета национальной обороны в Вашингтоне Эрика Марат, сравнивая историческую политику Киргизии и Таджикистана, «основное различие между опытом двух стран в том, что Акаев создал большинство проектов са-

мостоятельно и обращался к академическому сообществу для поиска исторических фактов, а Рахмон в значительной степени следовал за влиятельными историками в продвижении своих проектов» [10].

При этом, как и в соседнем Узбекистане, особенностью идеологического строительства в Таджикистане также является его «широкоохватность»: серьезная ориентация на использование системы образования для продвижения и закрепления в обществе РТ многочисленных национальных ценностей и ведения «наступательной» исторической политики. Такой подход во многом диктуется практическими обстоятельствами: власть понимает сложную демографическую ситуацию в Таджикистане, традиционно лидирующем среди стран СНГ по темпам

рождаемости. Естественный прирост населения в абсолютных значениях составляет 200 тыс. чел. – по официальным данным, ежегодно население РТ растет на 2,2 % [11].

По окончании гражданской войны победившая группировка Эмомали Рахмона (с 2015 года носящего официальный титул «Основатель мира и национального единства – Лидер нации» [12]) начала по типу всех других республик ЦА претворять в жизнь этнократическую модель как основу для национального примирения, национальной идентичности и государственной идеологии. Ее основой было объявлено возвращение к национальным истокам доисламского периода: сначала – эпохи зороастризма, позднее – арийской цивилизации.

Об арийских корнях таджиков неоднократно с гордостью заявлял президент Рахмон. В 2000 г. он издал первый том своего труда «Таджики в зеркале истории», который назвал «От арийцев до Саманидов» [13]. Суть книги президента была сформулирована в следующем вопросе: «Имеют ли различные тюркские народности и племена, спустя тысячелетия ставшие хозяевами территорий бывших древних Бактрии, Согда и Хорезма и сегодня с трибун своих национальных государств притязающие на историческое и культурное наследие арийцев, какую-либо общность с арийскими народностями этих краев?» [14].

В своих публичных выступлениях Рахмон неоднократно подчеркивал преемственность между ислам-

ской династией Саманидов и арийским зороастризмом. В этом ему помогал таджикский историк Нумон Негматов, разработавший еще с 1994 г. Программу комплексных исследований этногенеза и этнической истории народов Центральной Азии. К предкам таджиков Негматов относил протоариев и ариев, предавая этим терминам не только лингвистический, но и «расово-антропологический» смысл. В пращуров таджиков были также внесены саки, маргианцы, массагеты и парны – племена, за генетическую связь с которыми много лет усиленно боролись научные сообщества Таджикистана и Узбекистана [15].

В СМИ РТ много лет активно обсуждались тезисы о принадлежности части территории Узбекистана, в частности Самарканда и Бухары, «большому Таджикистану» (или «историческому Таджикистану») [16, С. 23], об общей прогрессивности и культурном превосходстве «арийского наследия» таджиков над культурой тюркских соседей.

Преемственность между эпохой зороастризма и Саманидами была найдена таджикскими учеными в древнекитайских источниках, в которых якобы указывалось на существование во II–VII вв. государства Кирпанд, занимавшего территорию от р. Инд до Хорезма [17]. Согласно таджикским ученым, это государство было создано предками таджиков. В 1999 г. таджики отпраздновали 1100-летие великого национального государства Саманидов. В честь этого события на

высочайшей вершине Памира был установлен бюст Абу Ибрахиму Исмаилу ибн Ахмаду Самани (также известному как Исмаил Самани). В 2001 г. было принято решение отпраздновать 2700-летие священной персидской книги «Авеста».

Миф об арийской цивилизации стал одним из ключевых сегментов исторической идеологии таджикского политического режима, а также одной из основ его многолетнего противопоставления Узбекистану. Опираясь на классиков российско-го и советского востоковедения, историки и идеологи РТ, определили таджиков в качестве единственных законных наследников арийской цивилизации в ЦА и самого «автохтонного народа» региона [18].

Параллельно с «арийством» таджикские идеологи использовали «культ Исмаила Самани», основателя государства Саманидов, которое считается первым в истории национальным государством таджиков. Таджикская историческая наука и государственная идеология изображают государство Саманидов как «высшую точку исламской цивилизации». Более того, из империи Саманидов, утверждается в РТ, происходят все культурные достижения Европы раннего Нового времени [19, С. 14]; кроме того, утверждается, что в свое время это государство считалось самым сильным на планете [19, С. 168]. В современной таджикской историографии империя Саманидов представляется эталоном государственного управления – как образцово эффективная и в то же время простая государствен-

ная система. Соответственно, с уничтожением государства Саманидов «пришлыми тюрками-монголами» была уничтожена самая передовая культура туранской (арийской) цивилизации. Подобные идеологические конструкты и исторические концепции не могли не вызывать негативной реакции со стороны узбекской исторической науки и государственной идеологической машины соседнего Узбекистана.

По мнению журналиста Михаила Калишевского, «культ Самани» и, шире, идеология Саманидской империи, много лет усиленно внедряемая в массы всем государственным аппаратом РТ, «помимо синтеза религиозного и национального компонентов государственной идеологии, стал выполнять еще и функцию своего рода перекидного мостика к другой идеологической концепции – концепции «справедливого шаха», корни которой таджикские идеологи находят как в доисламском, так и в исламском наследии». Журналист считает возможным, что современную интерпретацию концепции «справедливого шаха» сделают, наряду с этническим национализмом, также основной национальной идеей [20].

После смены власти в Ташкенте в 2016 г. и начала изменения региональной политики, проводимой новым узбекским руководством, начались и серьезные позитивные изменения в отношениях двух республик. Одним из них стало резкое снижение взаимной историко-идеологической конфронтации. Государственные «национал-патриотизмы» двух

республик были «поставлены на паузу»: от концепций, внедряемых почти три десятилетия, власти РТ и РУз

полностью не отказались, но свели к минимуму их артикуляцию, вызывающую раздражение соседей.

Туркменистан

Туркменистан по-своему уникален: здесь властной элите во главе с первым секретарем компартии Сапармуратом Ниязовым удалось утвердить не просто жесткий авторитарный режим, а единственную на территории бывшего СССР диктатуру вождистского типа. В Туркмении в максимальной мере среди стран ЦА воплощены практики абсолютного государственного контроля за любыми проявлениями социальной активности: никакого национал-патриотизма вне и помимо государства нет и быть не может.

Ниязов многократно подчеркивал, что Туркменистан – исключительная, не подпадающая под общие правила страна. Формулируя признаки туркменской исключительности, он искажал фактические и статистические данные, смешивал в рамках новой идеологии исторические факты и народную мифологию, фольклор и действительность. Речи и сочинения Ниязова всегда представляли собой эклектичную смесь из исламских догм, употребляемых не всегда к месту современных терминов, произвольно толкуемых мифов и псевдоисторических данных. Из всего этого в итоге была собрана «Рухнама» («Книга духа»), содержание которой на многие годы определило направление общественного и на-

учного развития, исключая любые иные варианты.

Если в других центральноазиатских странах существует определенный плюрализм мнений среди историков, а независимые ученые могут (с большим или меньшим успехом) спорить с официальными историческими концепциями, то вся историческая наука Туркмении много лет основывалась на одной книге – «духовной конституции туркмен», как официально называлась «Рухнама».

На четырехстах страницах книги президент Туркмении рассказывал об истории туркмен, особенностях национального характера, делился нравоучениями о том, как туркмену следует жить и вести себя в обществе. Наряду с личными умозаключениями Туркменбаши книга основывалась на народных сказаниях и отрывках из Корана [21]. Сама «история» в «Рухнаме» и, соответственно, в официальной исторической науке Туркмении выглядела крайне эклектично, представляла собой соединение разнородных взглядов, идей и теорий. Однако в самой Туркмении критиковать эту «историческую концепцию» было невозможно в принципе.

Как писал исследователь Славомир Горак, «для узбекской идеологии самым выдающимся предком современных узбеков, заложившим

основы нынешней независимости, конечно же, является Амир Тимур; главный кыргызский герой – Манас; предшественником современного таджикского государства была империя Саманидов. Туркменская идеология и тут оказывается впереди. Туркмены – создатели более 70 мировых династий, которые подробно описываются в «Рухнаме». По утверждению ведущего историка-идеолога туркменского режима Овеза Гундогдыева, предками туркмен были древние среднеазиатские народы, создавшие так называемые «прототуркменские» государства, – скифы и массагеты [22]. К «наиболее развитым» «туркменским» государствам, согласно нынешней туркменской историографии, относится Парфянская империя с центром в туркменской Нисе. То, что перечисленные народы в научной литературе относят к арийским, туркменских «историков» никак не волнует» [23, С. 108].

Много лет главным объектом поклонения в Туркменистане являлся сам Туркменбаши. Следом шли культ родителей Ниязова и героя древнего эпоса «Огузнама», мифического праотца тюрков Огуз-хана. Наиболее древние представления об Огуз-хане зафиксированы в уйгурской рукописной версии доисламского эпоса «Огузнама», относящейся к IV в. В ней говорится, что Огуз-хан был зачат матерью от лучей света и сразу родился богатырем. Внешность его отражает тотемистические представления древних тюрков: «ноги его... подобны ногам быка, поясница – пояснице волка, плечи по-

добны плечам соболя, а грудь – груди медведя» [24]. После принятия ислама мифы меняются, и Огуз-хан становится мусульманином, потомком библейского Яфета. В «Рухнаме» Туркменбаши упоминается «сильная власть» Огуз-хана и две основные задачи «прародителя туркмен» – «взять власть и создать абсолютно новое общество» [25, С. 101].

Историческая концепция, изложенная в «Рухнаме», проста: многие империи, существовавшие после Огуз-хана, были объявлены туркменскими, даже, например, Парфянское царство Аршакидов (III в. до н. э. – III в. н. э.), все тюркские династии – туркменскими. Наиболее яркой эпохой туркменской истории считается время «туркмен»-сельджуков (Альп Арслан и султан Санджар, жившие в XI–XII вв., – «выдающиеся вожди туркменского народа»). Это время было обозначено как первый «золотой век всех туркмен».

Но это чудесное время закончилось, и последовал многовековой упадок, а российский и советский периоды трактуются исключительно негативно: Санкт-Петербург и Москва якобы всеми силами препятствовали превращению Туркмении в цветущий край. Приближение же нового «золотого века» связано исключительно с независимостью и появлением на исторической арене Сапармурата Ниязова.

Достаточно быстро пошел процесс отождествления государства с личностью первого лица. Культ личности президента, при всем том что он стал стержнем, «сшивающим» воедино всю идеологическую

систему страны, все же не являлся самодостаточным и нуждался в более широкой идеологической основе. Такой основой был и остается этнический национализм.

В 1998 г. Ниязов распустил Академию наук Туркмении и большинство ведомственных институтов. Были ликвидированы почти все творческие союзы, произошли масштабные сокращения врачей и учителей. Многие ученые, писатели, журналисты, артисты, архитекторы, врачи, преподаватели вынуждены были эмигрировать, а другие были отлучены от научной работы.

Исследования в юриспруденции, истории, социологии и т. п. были свернуты. С 1998 г. были прекращены работы над диссертациями, а «священная книга» «Рухнама» стала базовой для школьного обучения. Работы многих ученых, историков, поэтов были занесены в черный список. Неудобные учебники истории были изъяты из библиотек и уничтожены [27].

Стоит отметить, что к моменту распада СССР в Туркмении проживали 333,9 тыс. русских. Распад Союза обернулся значительной эмиграцией русского населения. По Туркменистану данные местных статистических органов отсутствуют, но, по данным МИД РФ, к 2005 г. количество русского населения в республике сократилось с 9,5 до 3,5 % [27]. Параллельно Ниязов добился резкого сокращения в Туркмении влияния русского языка. Полной изоляции нового поколения от всего ранее накопленного интеллектуального багажа послужили перевод туркменского языка на ла-

тинский алфавит (с 1995 г.) и тотальная дерусификация образования и медиапространства.

Смена персоналий на посту «отца нации», как показала туркменская новейшая история, не повлияла на идеологическую работу государства, за исключением объективно необходимых корректировок и некоторых незначительных изменений ряда идеологических параметров.

При новом лидере ставка в идеологическом плане делалась на преемственность идеологии, но началось и постепенное отступление от наиболее одиозных идеологических «новаций» Туркменбаши. В 2008 г. стартовал процесс «дерухнамизации» идеологии Туркменистана. В школах сократились уроки по «Рухнаме» и изучение текста книги было включено в программу нового предмета по обществознанию, где «Рухнама» начала изучаться уже наряду с новыми произведениями президента Бердымухамедова [28]. Весной 2009 г. властями Туркмении была инициирована акция по изъятию экземпляров «Рухнамы» во всех учреждениях и предприятиях страны. Вместо нее завезли книги Бердымухамедова. С 1 сентября 2013 г. в средних школах изучение «Рухнамы» было отменено, но предмет еще год оставался обязательным на вступительных экзаменах в вузы.

Основные усилия туркменских идеологов, изначально направленные на замену культа личности первого президента на культ личности второго, были полностью успешны, и работа шла лишь над его укреплением и окончательным

превращением Гурбангулы Мяликгулыевича в сакральную фигуру. После передачи формальной власти и президентского поста сыну

Сердару в марте 2022 г. Бердымухамедов-старший остается абсолютным и безусловным центром всего сущего в республике.

Заключение

Представляется, что для всех постсоветских республик Азии актуальной остается необходимость и на научном уровне, и, главное, на уровне широкого общественного сознания больше внимания уделять проблеме критики мифотворчества в истории, которая отнюдь не безобидна, как может показаться на первый взгляд. Отказ от понимания реальной исторической действительности не только обедняет образовательный процесс, исключает возможность адекватно воспринимать и использовать в практической жизни исторический опыт, но и формирует стойкие негативные стереотипы в восприятии окружающего мира. Это, в свою очередь, при определенных политических условиях способно привести к крайне опасным результатам. Сегодняшние исторические «войны памяти» ведут к застарелым конфликтам.

Отдельным и значимым фактором является влияние национал-патриотического направления общественной мысли региона ЦА на процесс выработки и реализации исторической политики центральноазиатских республик. В том числе на процесс формирования государственных идеологий во всех странах региона за три десятилетия суве-

ренного существования влияет и националистическая повестка.

Национальному строительству в ЦА сопутствовало формирование идеологий национализма. Можно констатировать, что, несмотря на различия в политических, экономических и социальных моделях центральноазиатских республик, в пространстве региона возобладала концепция, исходящие из приоритета «титульной нации» во всех процессах социально-политического развития общества. Значительное место в формировании и утверждении данной концепции сыграла историческая политика.

Власти Центральной Азии в последние годы, очевидно, начинают понимать опасность превращения исторической политики в инструмент геополитического противостояния различных мировых центров силы и элемент внутриэлитной борьбы.

История является одним из наиболее значимых средств мобилизации чувства коллективной идентичности, которое способно в равной мере выступать ресурсом как интеграции и созидания, так и раскола полиэтничных центральноазиатских обществ. Всем государствам региона, по нашему мнению, насущно необходима полноценная работа по

созданию образа прошлого, который бы, не противореча фактам, обеспечивал объективное восприятие национальной истории, служил зада-

чам социальной модернизации и способствовал укреплению межнационального и межконфессионального согласия.

Список литературы

1. Грозин А. В. «Историческая политика» как фактор внутривнутриполитического процесса в странах постсоветской Азии. Часть 1. // Постсоветский материк. 2022. № 2 (34). С. 114–134.
2. Идея национальной независимости: основные понятия и принципы. Ташкент: Узбекистан. 2003. 80 с.
3. Каримов И. Наша высшая цель – независимость и процветание родины, свобода и благополучие народа. Ташкент: Узбекистан. 2000. 511 с.
4. Каримов И. Без исторической памяти нет будущего. Т. 8. Ташкент: Узбекистан, 1999. 381 с.
5. Самадов А. Сахибкиран – великий созидатель // URL: <http://uza.uz/ru/society/18670/> (дата обращения: 14.02.2022).
6. Нурмухамедов В. Хайль, Тамерлан?! // URL: <http://www.zonakz.net/articles/6134> (дата обращения: 13.01.2022).
7. Абашин С. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258405800> (дата обращения 19.03.2022).
8. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису // URL: <http://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeevas-28-12-2018> (дата обращения: 13.02.2022).
9. Гриценко А. Б. Эргашев: Узбекистану нужна идеология, объединяющая общество // URL: <http://press-unity.com/analitika-stati/11794.html> (дата обращения: 17.03.2022).
10. Мурзакулова А. Кому нужна идеология в Кыргызстане и Таджикистане? // URL: <https://24.kg/archive/ru/cis/37140-2008/06/19/87931.html/> (дата обращения: 26.03.2022).
11. В Душанбе родился девятимиллионный житель Таджикистана // URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20180526/1025685456/tajikistan-naseleniy-chislennost.html> (дата обращения: 09.03.2022).
12. Закон Республики Таджикистан об Основателе мира и национального единства – Лидере нации // URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/951> (дата обращения: 01.04.2022).
13. Рахмонов Э. Таджики в зеркале истории / То икон дар оинаи таърих. Книга первая: от арийцев до Саманидов. *St. Helier, Jersey: London & Flint River ed.* 2000. 28 с.

14. Книги Эмомали Рахмона – бестселлеры в своей стране // URL: <https://rus.azattyk.org/a/emomali-rakhmon-kult-lichnosti/28542446.html> (дата обращения: 16.03.2022).
15. Шнирельман В. Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/simvolicheskoe-proshloe-borba-za-predkov-v-czentralnoj-azii.html> (дата обращения: 28.03.2022).
16. Негматов Н. Таджики. Исторический Таджикистан. Современный Таджикистан. Душанбе: Гиссар, 1992. 38 с.
17. Грессов В. Постсоветское пространство: археология на службе политических проектов // URL: <https://stanradar.com/news/full/2151-postsovetskoe-prostranstvo-arheologija-na-sluzhbe-politicheskikh-proektov.html> (дата обращения: 29.03.2022).
18. Laruelle M. *The Return of the Aryan Myth: Tajikistan in Search of a Secularized National Ideology*. *Nationalities Papers*. 35(1):51-70. March 2007 // URL: https://www.researchgate.net/publication/233356782_The_Return_of_the_Aryan_Myth_Tajikistan_in_Search_of_a_Secularized_National_Ideology (дата обращения: 01.04.2022).
19. Умарзода И. История цивилизации арийцев. Душанбе: Наука, 2006. Т. 1–2. 573 с.
20. Калишевский М. Таджикистан: От «арийского первородства» к «справедливому шаху» // URL: <https://www.fergananews.com/articles/7965> (дата обращения: 02.12.2013).
21. Ниязов С. Рухнама // URL: <https://iknigi.net/avtor-saparmurat-niyazov/6869-ruhnama-saparmurat-niyazov/read/page-12.html> (дата обращения: 13.01.2022).
22. Гундогдыев О. Из истории туркменской дипломатии. Дипломатические миссии и посольства туркмен // URL: <http://turkmeniya.narod.ru/turkmenCdiplomacy2.html> (дата обращения: 03.12.2021).
23. Горак С. Мифы Великого Туркменбаши // Вестник Евразии – *Acta Eurasica*. 2005. № 2. С. 105–131.
24. Энциклопедия мифологии. Огуз-хан // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/3411/ОГУЗ (дата обращения: 24.03.2022).
25. Ниязов С. Рухнама. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2002. 82 с.
26. Дубнов А. Американцы вступились за русский язык в Туркмении // URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1037913540> (дата обращения: 27.02.2022).
27. Сухаревская О. Русские в Центральной Азии: проблемы и перспективы // URL: <https://ia-centr.ru/experts/olga-sukharevskaya/russkie-v-tsentralnoj-azii-problemy-i-perspektivy/> (дата обращения: 03.04.2022).
28. Бердыева А. В сфере образования не произошло изменений // URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3618902,00.html> (дата обращения: 12.12.2021).

GROZIN Andrey V. – *Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS Countries, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, 141410, Russian Federation. E-mail: andgrozin@yandex.ru*

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, history, historical politics, national patriots.*

HISTORICAL POLITICS AS A FACTOR OF THE INTERNAL POLITICAL PROCESS IN THE COUNTRIES OF POST-SOVIET ASIA. PART 2.

Annotation

The article examines the main aspects of the influence of the historical and near-historical policies of the states of post-Soviet Asia on the domestic political life in these sovereign republics. This influence is multifaceted and the theme of memory policy as an integral part of the country's ideological policy on the part of the official authorities of the countries of the region is in a complex interaction with the use of complex issues of the country's recent history by various opinion leaders and population groups outside the structures of public administration. Due to the desire of the authorities of the Central Asian countries, civil activists, media (primarily online), NGO structures, historians and publicists to disguise political, opportunistic interest in using historical topics to solve various domestic political problems, many aspects of the process that can be called "memory wars" are hidden from scientific research. The present text is also an attempt to consider the degree of influence of historical politics on the formation of new ideological foundations for the existence of political systems in the republics of the Central Asian region.

References

1. Grozin A.V. "Historical politics" as a factor of the internal political process in the countries of post-Soviet Asia. Part 1 // *The post-Soviet continent*. 2022. No. 2 (34). Pp. 114–134.
2. *The idea of national independence: basic concepts and principles*. Tashkent: Uzbekistan, 2003. 80 p.
3. Karimov I. *Our highest goal is the independence and prosperity of the motherland, freedom and well-being of the people*. Tashkent: Uzbekistan, 2000. 511 p.
4. Karimov I. *There is no future without historical memory*. Vol. 8. Tashkent: Uzbekistan, 1999. 381 p.
5. Samadov A. *Sahibkiran – the great creator* // URL: <http://uza.uz/ru/society/18670/> (accessed: 02.14.2022).
6. Nurmukhamedov V. *Heil, Tamerlane?!* // URL: <http://www.zonakz.net/articles/6134> (accessed: 13.01.2022).
7. Abashin S. *Mustakillik and the memory of the imperial past: passing through the halls of the Tashkent Museum of Memory of Victims of Repression* // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258405800> (accessed: 19.03.2022).
8. *Message of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to the Oliy Majlis* // URL: <http://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeevas-28-12-2018> (accessed: 13.02.2022).
9. Gritsenko A. B. *Ergashev: Uzbekistan needs an ideology that unites society* // URL: <http://press-unity.com/analitika-stati/11794.html> (accessed: 17.03.2022).
10. Murzakulova A. *Who needs ideology in Kyrgyzstan and Tajikistan?* // URL: <https://24.kg/archive/ru/cis/37140-2008/06/19/87931.html> (accessed: 26.03.2022).
11. *The nine millionth resident of Tajikistan was born in Dushanbe* // URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20180526/1025685456/tajikistan-naseleniye-chislennost.html> (accessed: 09.03.2022).
12. *The Law of the Republic of Tajikistan on the Founder of peace and national Unity – the Leader of the nation* // URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/951> (accessed: 01.04.2022).
13. Rakhmonov E. *Tajiks in the mirror of history / To ikon dar oinai ta'rikh. Book One: From the Aryans to the Samanids*. St. Helier, Jersey: London & Flint River ed. 2000. 28 p.
14. *Books by Emomali Rahmon are bestsellers in their country* // URL: <https://rus.azattyk.org/a/emomali-rakhmon-kult-lichnosti/28542446.html> (accessed: 16.03.2022).
15. Shnirelman V. *Symbolic past. The struggle for ancestors in Central Asia* // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/simvoli->

cheskoe-proshloe-borba-za-predkov-v-czentralnoj-azii.html (accessed: 28.03.2022).

16. Negmatov N. *Tajiks. Historical Tajikistan. Modern Tajikistan*. Dushanbe: Hissar. 1992. 38 p.

17. Gressov V. *Post-Soviet space: archeology in the service of political projects* // URL: <https://stanradar.com/news/full/2151-postsovetskoe-prostranstvo-arheologija-na-sluzhbe-politicheskikh-proektov.html> (accessed: 29.03.2022).

18. Laruelle M. *The Return of the Aryan Myth: Tajikistan in Search of a Secularized National Ideology*. *Nationalities Papers*. 35(1):51–70. March 2007 // URL: https://www.researchgate.net/publication/233356782_The_Return_of_the_Aryan_Myth_Tajikistan_in_Search_of_a_Secularized_National_Ideology (accessed: 01.04.2022).

19. Umarzoda I. *History of Aryan civilization*. Dushanbe: Science. 2006. Vol. 1–2. 573 p.

20. Kalishevsky M. *Tajikistan: From the “Aryan birthright” to the “just Shah”* // URL: <https://www.fergananews.com/articles/7965> (accessed: 02.12.2013).

21. Niyazov S. *Rukhnama* // URL: <https://iknigi.net/avtor-saparmurat-niyazov/6869-ruhnama-saparmurat-niyazov/read/page-12.html> (accessed: 13.01.2022).

22. Gundogdiyev O. *From the history of Turkmen diplomacy. Diplomatic missions and embassies of Turkmen* // URL: http://turkmeniya.narod.ru/turkmenC_diplomacy2.html (accessed: 03.12.2021).

23. Gorak S. *Myths of the Great Turkmenbashi* // *Bulletin of Eurasia – Acta Eurasica*. 2005. No. 2. Pp. 105–131.

24. *Encyclopedia of Mythology. Oguz Khan* // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/3411/ОГУЗ (accessed: 24.03.2022).

25. Niyazov S. *Rukhnama*. Ashgabat: Turkmen State Publishing Service. 2002. 82 p.

26. Dubnov A. *Americans stood up for the Russian language in Turkmenistan* // URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1037913540> (accessed: 27.02.2022).

27. Sukharevskaya O. *Russians in Central Asia: problems and prospects* // URL: <https://ia-centr.ru/experts/olga-sukharevskaya/russkie-v-tsentralnoy-azii-problemy-i-perspektivy/> (accessed: 03.04.2022).

28. Berdyeva A. *There have been no changes in the field of education* // URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3618902,00.html> (accessed: 12.12.2021).